

О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА Н.К. КОЛЬЦОВА

В.В. Бабков

*Бабков Василий Васильевич, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
факс (095) 925-99-11. E-mail: babkoff@history.ihst.ru 103012 Москва, Старопанский пер., 1/5*

Институт экспериментальной биологии (ИЭБ) в Москве - "Кольцовский институт"*, в стенах которого был создан ряд значительных научных школ, - известен не только первоклассными научными работами, влияние которых простирается на науку наших дней, но и чем-то неувелимым, своей неповторимой атмосферой.

Неудачников сторонятся, ведь неудачи заразительны. Но как достичь успеха, хотя бы отчасти подобного выдающимся результатам Кольцовского института? Отвлечемся здесь от проблем, решением которых занимался ИЭБ [1-3]. Правильно поставленный вопрос - половина успеха, но у нас иные задачи. Обратим внимание на другую половину успеха - принципы, которыми руководствовался Кольцов при создании своего института. Попытаемся реконструировать эти принципы, рецепт успеха.

Как Н.К. Кольцов создавал свой институт? У нас есть предварительный ответ, слишком простой, или, быть может, слишком сложный. - Так, как природа работает над созданием живого организма.

Управляющие системы

При сопоставлении социальных образований с биологическими обратимся к кибернетической традиции рассмотрения больших систем.

Естественно сложившиеся работоспособные иерархические управляющие системы (биологические, социальные или иные) полицентричны. Они предполагают возможность дополнения их новыми иерархическими структурами, построенными на основе иных ценностей, т.е. такие системы в некоторой мере открыты. Можно говорить об открытых полииерархических управляющих системах. Иерархичность предполагает отказ от всеобъемлющего управления всеми элементами системы и передачу части функций управления от высшего уровня низшим. Иными словами, естественно сложившиеся системы не вполне прозрачны для управления. (С этой точки зрения абсолютно тоталитарную систему можно определить как абсолютно прозрачную.)

Целью системы является самосохранение (самовоспроизведение) в меняющихся обстоятельствах существования или внутри большей системы. С этой точки зрения эволюция биологических систем трактуется как побочный результат их стремления к самосохранению. Грубое вмешательство в естественную систему, если оно зашло далеко и не может быть компенсировано, приводит к замещению ее искусственной закрытой моноиерархией. Корректней говорить о квазиерархии, так как она поддерживается не внутренней структурой, но существует за счет внешних воздействий. Крайними случаями таких внешних управляющих воздействий можно назвать искусственный отбор или террор. Здесь речь идет, конечно, о гибели исходной системы [4].

* Институт экспериментальной биологии Общества Московского научного института учрежден в 1916 г., работу начал после первой революции 1917 г., при трех штатных сотрудниках. В 1920-1929 гг. был при ГИНЗ НКЗ. Осенью 1938 г. введен в состав Биоотделения АН СССР, в начале 1939 г. лишился директора и стал распадаться. Преемником ИЭБ в наши дни является созданный Б.Л. Астауровым Институт биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, который продолжает некоторые линии исследований Кольцовского института.

Ближайший вывод из этих общих соображений состоит в том, что Кольцов при создании ИЭБ должен был заниматься двойной задачей: созданием системы контроля, которая обеспечила бы высокий уровень научной продукции (в том числе обеспечение прозрачности для научной критики), а также созданием средств защиты отдельных сотрудников, отделений, института в целом, - то есть обеспечением частичной непрозрачности создаваемой системы для нежелательных внешних воздействий.

Стратегия Кольцова

Стратегия Н.К. Кольцова в области организации науки была направлена на решение двойной задачи: борьбы за автономию науки и поиска поддержки власти.

Николай Константинович Кольцов (1872-1940), что бы он ни делал для организации исследований в любой данный момент, прежде всего занимался борьбой за автономию науки.

Когда в начале века в России делались попытки поднять науку на новые высоты и приблизить ее к нуждам общества, Н.К. Кольцов (вместе с В.И. Вернадским) был в числе тех немногих ученых, которые считали, что один лишь рост числа научных учреждений, специалистов, финансирования не приведет к желаемой цели: Россия нуждалась не только в расширении деятельности на переднем крае науки, но и в истинном научном сообществе.

Что значит "власть" в формуле "наука и власть"? Это поддержка со стороны государственных структур, общественное мнение, авторитет в национальном сообществе, высокий престиж в мировом научном сообществе, возможности распространять свои научные убеждения, доступ к научной и общей печати, возможность иметь учеников, защита от ущемления интересов, нередко это деньги, порой защита от разгрома, ареста или убийства.

При решении упомянутой двойной задачи в весьма различающихся обстоятельствах имперской России 1910-х гг., Временного правительства, военного коммунизма, НЭПа, великого перелома и культурной революции, в радикально меняющейся обстановке 1930-х гг., Кольцову пришлось иметь дело с каждым из названных сторон понятия "власть" [5, 6].

Ученики

Кольцов был замечательным профессором (об этом говорят во всех воспоминаниях) и всегда высоко ценил возможность иметь учеников.

Учитель Кольцова, глава московской зоологической школы М.А. Мензбир, не терпевший около себя никого, кроме послушных посредственностей, стал шаг за шагом вытеснять Кольцова из Императорского Московского университета: лишил возможности пользоваться научной лабораторией, отставил от заведования библиотекой, отстранил от ведения занятий на кафедре и т.п. (Кольцову осталось лишь чтение лекций: лишить этого права можно было только в результате официального разбирательства, которого не желал или опасался М.А. Мензбир.) Тогда Кольцов возглавил кафедры, а вскоре организовал и лаборатории при двух частных университетах: Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского, поддерживаемом московскими деловыми кругами и Городской думой, и Высших женских курсах проф. В.И. Герье, существовавших на плату курсисток. Характерно, что студенты Кольцова должны были заниматься не только образованием, но и научной работой под его наблюдением.

В брошюре "К университетскому вопросу" (1909 и 1910) Кольцов призывал к реформированию системы высшего образования. Новый министр народного просвещения Л.А. Кассо выпустил в январе 1911 г. ряд циркуляров, направленных на свертывание университетской автономии. В знак протеста ректор, проректор и помощник ректора подали в отставку с административных должностей. Министр, поддержанный правительством, пошел дальше: он отстранил их и от чтения лекций. Случился скандал. Ряд профессоров и большое число младших преподавателей покинули университет. Правительство предполагало вместо неудобных русских профессоров пригласить немецких; но Кольцов, имевший тесные

дружеские связи с зоологами из ряда немецких университетов, объяснил им суть дела и тем сорвал план правительства.

В результате на 1911 г. пришелся небывалый расцвет двух московских частных университетов, принявших сливки профессуры. (На одну из своих кафедр Кольцов принял и М.А. Мензбира.)

Другим последствием скандала начала 1911 г. стало создание московскими деловыми кругами (их более богатой и продвинутой частью) Общества для организации Московского научного института. Как раз проходил юбилей отмены крепостного права в 1861 г., и появление Общества было посвящено этой дате. Целью Общества была организация своего рода Московской академии наук (отчасти в пику Императорской академии наук в Санкт-Петербурге), отвечающей требованиям XX в., независимой от правительства; Московские институты были ориентированы на решение новых проблем, которые выдвинули их основатели, крупные оригинальные исследователи [7], нередко на перекрестье наук.

Кольцов вошел в ученый совет Общества Московского института. В сентябре 1916 г., после создания институтов микробиологии под руководством Л.А. Тарасовича и биофизики под руководством П.П. Лазарева, учредители Московского института избрали Кольцова директором нового биологического института (27 сентября 1916 г. Кольцов сделал доклад от имени биологической комиссии [8]). Он открылся в марте 1917 г.

Тогда же, в марте 1917 г., Кольцов вернулся в Московский университет. В 1918 г. бывший Императорский университет стал I, Женские курсы - II и Народный университет - III Московскими университетами. В августе 1919 г. они были объединены. При реформе высшей школы в 1930 г. Московский университет был раздроблен. На основе клиник бывшего Императорского Университета был создан I медвуз; II и III университеты были преобразованы во II медвуз и два педагогических института.

Ученики Кольцова первого поколения - среди них М.М. Завадовский, П.И. Живаго, И.Г. Коган, В.Г. Савич, М.П. Садовникова-Кольцова, А.С. Серебровский, С.Н. Скадовский, Г.И. Роскин, С.Л. Фролова, Г.В. Эпштейн и другие, уже прошедшие серьезную школу и ставшие самостоятельными исследователями и преподавателями, занимались его молодыми учениками. Такая двухуровневая структура была весьма полезной для отбора более способных и добропорядочных молодых людей.

В Кольцовском институте подразделениями руководили его старшие ученики, вокруг них по сродству группировались ученики второго поколения. Эти две ступени обеспечивали Кольцову оптимальную степень связи с его сотрудниками, с каждым из них. Когда же институт подвергся серии жестоких средовых стрессов, то эти стрессы резко дифференцировали по поведению и руководителей отделений, и младших учеников. Одни оставались стойкими, другие шли на компромиссы, третьи - на предательство. Когда от Кольцова и его института отлагалась та или иная, так сказать, больная часть, то этой ценой сохранялось здоровое целое. Очевидно, что такой процесс не мог идти сколь угодно долго; однако Кольцовский институт сохранял идентичность два десятилетия; и в середине 1960-х гг. Б.Л. Астаурову было что собирать, когда он создавал Институт биологии развития, а на деле частично воссоздавал Институт экспериментальной биологии.

Структуры ради исследований

Кольцов выдерживал принцип двухступенчатой структуры в различных своих научных предприятиях.

В университете он считал необходимым не только систему лекций и семинарских занятий: он организовал знаменитый Большой зоологический практикум с рядом специальностей, который доставлял прекрасную основу для будущих самостоятельных исследований.

Институт экспериментальной биологии сообщался с внешним миром через Общество Московского научного института. А осенью 1919 г. нарком здравоохранения Н.А. Семашко, и некоторые его друзья медики организовали ГИНЗ - Государственный научный институт здравоохранения Наркомздрава, созданный, между прочим, по модели Московского научного института и возглавляемый директором первого из Московских научных институтов Л.А. Тарасевичем. С последних дней декабря 1919 г. ИЭБ был в составе ГИНЗа.

Исследования велись как в лабораториях института, так и на подмосковных полевых станциях. Главными были Звенигородская гидрофизиологическая станция, организованная С.Н. Скадовским в 1910 г. в одном из его поместий и пожертвованная им институту в 1918 г., и Аниковская генетическая опытная станция сельскохозяйственных животных (Центральная генетическая станция) с 1919 г. Были также станции по птицеводству и шелкопряду и некоторые др.

Организацию исследований Кольцов сочетал с созданием научной прессы, как периодики, так и серийных и отдельных изданий (см. [1; 2]). Кольцов редактировал "Ученые записки Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Труды биологической лаборатории" (1916). При создании института Кольцов организует одни журналы для оригинальных исследований, а другие специально для обзорных работ. Сначала он сделал попытку выпускать "Известия ИЭБ" (1921, единственный выпуск). С 1922 по 1931 г. выходил кольцовский "Русский евгенический журнал" (7 томов по 4 выпуска, затем он влился в "Биологический журнал"). С 1922 г. Кольцов выпускает "Успехи экспериментальной биологии", а в 1924 г. вместе с Ю.А. Филипченко делает попытку возобновить "Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел экспериментальной биологии". На их основе Кольцов в 1925 г. создал "Журнал экспериментальной биологии. Серии А и Б" (7 томов), что в 1932 г. преобразован в "Биологический журнал" (7 томов) и преемником которого в 1940 г. стал академический "Журнал общей биологии", существующий по сей день.

Структура Института

Кольцов очень серьезно структурировал внутреннюю и внешнюю среду своего института.

В 1920-е, годы ГИНЗа, в его институте были следующие отделения: физико-химической биологии, зоопсихологическое, евгеническое, цитологическое, гидробиологическое, экспериментальной хирургии, культуры тканей, механики развития, генетическое, а также кабинет микрофотокиносъемки. Институт имел биостанции и свою научную прессу. Каждая научная работа проходила двухуровневую апробацию: обсуждение на коллоквиуме отделения, а затем на общеинститутском коллоквиуме. Дело было не в том, чтобы выработать общий язык - "ионщики должны понимать генщиков, и наоборот", но, как говорил Кольцов, попытка связать различные области экспериментальной биологии отражала мысль Кольцова о необходимости их внутреннего синтеза.

К концу периода ГИНЗа (т.е. 1920-х) в институте было приблизительно 30 научных сотрудников, 15 аспирантов, занимавшихся научной работой, и не более 10 препараторов и служителей. Бюрократическая структура института была сведена к минимуму. Каждый руководитель отделения, научный сотрудник и аспирант пользовался широкой свободой действий и нес личную ответственность за свое дело.

Кольцовский институт имел в некоторых отношениях оптимальную численность, которая допускала как разнообразие исследуемых проблем, так и возможность для директора быть в курсе дел каждого исследователя. Среди главных генетических центров страны Кольцовский институт был по размеру промежуточным между маленьким Бюро по евгенике - Генетической лаборатории Ю.А. Филипченко и научной империей Н.И. Вавилова*.

* Ф.Г. Добржанский говорил о Вавиловской "федерации научных институтов".

После увольнения Ю.А. Филипченко из университета и его ранней смерти в 1930 г. традиция его лаборатории прекратилась (хотя оставались превосходные исследователи, сохранявшие индивидуальность и в Институте генетики Н.И. Вавилова, и в позднее появившихся учреждениях).

Грандиозная по числу учреждений и штатам научная империя Н.И. Вавилова, державшаяся на его личном авторитете и влиянии, а не на систематически выстроенной внутренней структуре, прервалась. Она потеряла неповторимость, - с арестом в 1940 г. ее руководителя (хотя и сохраняли индивидуальность многие его сотрудники).

После снятия Н.К. Кольцова с поста директора в начале 1939 г. и принятых к институту жестких мер, несмотря на новый разгром в 1948 г., потенциал и традиция института в значительной мере сохранились.

Кольцов настойчиво выстраивал структуру внешних связей института. Финансовую и иную поддержку институту, его структурам, отдельным сотрудникам оказывали: Наркомздрав (через ГИНЗ), Академия наук (через КЕПС), Московский университет (в отношении аспирантов), Наркомпрос, Наркомзем; поддержку оказывал Биомедгиз, издававший журналы и книги ИЭБ, а также ЦЕКУБУ - комиссия по улучшению быта ученых (реликт ленинской эпохи, вытесненной сталинской террористической организацией ВАРНИТСО).

Институт очень рано начал получать международное признание. В числе зарубежных гостей в 1920-е гг. в нем были К. Бриджес, Г. Мёллер, Дж.Б.С. Холдейн, О. Фогт, У. Бэтсон, Р. Гольдшмидт, Э. Ваксман, С. Дарлингтон и др. С созданием регулярных журналов институт начал научный обмене за границей, и с 1923 г. он получал все ведущие биологические журналы мира. Статьи из ИЭБ печатались в заграничных журналах (главным образом, немецких, а также американских и др.).

Выстроенная Кольцовым глубоко структурированная внешняя и внутренняя среда составляла весьма эффективную защиту института.

Стратегия новых большевистских правителей, разрушивших старую иерархию императорской России и создававших свою замкнутую, очень жесткую моноцентричную квазиерархию, включала атомизацию научного сообщества, - что было существенной частью уничтожения общества в целом.

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. почти полностью была разрушена система внешних связей ИЭБ. В результате систематических атак на институт, и особенно на Кольцова как крупную независимую личность, подающую пример многим другим, система внутренней организации его института упростилась, и в результате стала менее эффективной.

Первым было ликвидировано евгеническое отделение (и закрыт "Русский евгенический журнал"); его темы и часть штата Кольцов отдал С.Г. Левиту в реорганизованный им Медико-биологический институт (впоследствии Медико-генетический). Темы по эндокринологии и патофизиологии стали основой новых институтов Наркомздрава: Гравиданоуротерапии (А.А. Замков) и Эндокринологии. Гидробиологическое отделение и Звенигородская станция отошли к МГУ. Центральная генетическая станция в 1929 г. была включена в новый Всесоюзный институт животноводства. Одна за другой шли атаки на Генетическое отделение, вплоть до ареста и ссылки С.С. Четверикова [3; 5].

Весной 1930 г. курс биологии Кольцова был исключен из плана преподавания МГУ, Кольцов был вынужден уйти и больше в университет не вернулся.

Директор

Во главе Института экспериментальной биологии стоял выдающийся оригинальный ученый [1; 7], замечательный учитель, а главное - крупная личность, исключительный нравственный авторитет.

Кольцова весьма ценили и при случае поддерживали ведущие европейские зоологи, его друзья и такие персоны, как Максим Горький, Н.А. Семашко, А.В. Луначарский и др.

В 1920 г. Кольцов был приговорен к расстрелу по делу "Тактического Центра", устроенному Н.В. Крыленко и Я.С. Аграновым с помощью провокаторов. По поводу процесса к В.И. Ленину обращались знаменитый Петр Кропоткин, нарком Луначарский, Горький и др. Ленин велел закрыть дело, и в продолжение многих лет травли Кольцова никто на этот эпизод не ссылался. (Исключением, полувеком позже, стал его ученик Н.П. Дубинин, когда в 1973 г. при поддержке Сулова и Митина напечатал в "Политиздате" мемуары "Вечное движение" с целью переложить ответственность за лысенковщину с партии, правительства и госбезопасности на генетиков.)

Весной 1932 г. Кольцов спас свой институт от неминуемого разгрома благодаря смелому письму к И.В. Сталину, которое передал из рук в руки навестивший тогда СССР Максим Горький.

Кольцов старался спасать своих сотрудников и учеников. Заметим, что еще в 1906 г. Кольцов выпустил в пользу пострадавших студентов брошюру "Памяти павших. Жертвы из среды московского студенчества в октябрьские и декабрьские дни".

В 1925 г. он рекомендовал для работы в Институте мозга О. Фогта в Берлине Н.В. Тимофеева-Ресовского. (В условиях атак на ИЭБ в 1929-1930 гг. Кольцов велел ему не приезжать на Генетический и Зоологический съезды. А в 1937 г., когда Сталин собирал из-за границы всех советских граждан, Кольцов запретил ему возвращаться.) В начале 1930 г. Кольцов направил в Ташкент для работы с шелкопрядом Н.К. Беляева, которому угрожал арест по политическому обвинению. (В конце 1937 г. Беляев переехал в Тифлис, где в начале 1938 г. он был арестован и расстрелян.) В 1931 г. Кольцов отправил в Ташкент Б.Л. Астаурова: на университетском митинге, собранном ради резолюции с требованием расстрела "Промпартии", тот открыто выступил против, чем и сорвал митинг.

В конце 1936 - начале 1937 г. Кольцов ожидал ареста; только благодаря заступничеству европейских ученых и дипломатов он арестован не был.

В декабре 1939 - январе 1939 г. шли выборы в Академию наук СССР - последний этап превращения ученого сообщества в наркомат науки. Кольцов, против его воли, был выдвинут в академики*.

Выборы по Биоотделению были назначены на 15-26 января. Но 11 января 1939 г. "Правда" печатает написанную И.И. Презентом статью "Лжеученым не место в Академии наук", которую подписали академики А.Н. Бах, Б.А. Келлер, профессор Х.С. Коштоянц, кандидаты наук А. Щербаков, Р. Дозорцева, Е. Поликарпова, Н. Нурдин, С. Краевой и К. Косиков. На место, по праву принадлежавшее Кольцову, попал Лысенко. Коштоянц стал членом-корреспондентом**.

* В 1915 г. Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге избрала Н.К. Кольцова действительным членом. Условием было создание для него кафедры, т.е. переезд в Санкт-Петербург. Не желая покидать своих учеников в Москве, Кольцов отказался от этой чести. В 1916 г. он был избран членом-корреспондентом.

В 1919 г. умер академик В.В. Заленский, и в Академии наук поднялся вопрос о замещении его кафедры. Естественным кандидатом был Кольцов. Окончательные выборы состоялись в ноябре 1920 г. - после смертного приговора Кольцову (отмененного Лениным) по сфабрикованному политическому делу, - и кандидатура Кольцова даже не обсуждалась. В 1918-1931 гг. выборы в Академию наук проходили при пристальном внимании руководства партии, которое преследовало свои цели. Первоначально выборы планировались на декабрь 1928 г., и в начале осени состоялось решение ЦК о кандидатах, которые составили три группы: 1) совершенно необходимые в Академии партийцы; 2) просто желательные; 3) дозволенные попутчики. Академики не сразу решились избрать в свою среду посторонних людей, и выборы затянулись. Н.И. Вавилов был избран действительным членом (член-корреспондент в 1923 г., после опубликования гениального закона гомологических рядов). Н.К. Кольцов не имел шанса попасть в число дозволенных кандидатур.

** Когда Х.С. Коштоянц много позже баллотировался в академики, Президиум АН получил телеграмму: "Лжеученому Коштоянцу не место в Академии наук". Академиком тот не стал.

После выборов была назначена комиссия Академии наук, под председательством Баха, с участием Коштыянца и двух других подписавших письмо, а также Лысенко, - для обследования ИЭБ и снятия Кольцова. Управлял работой комиссии Презент, хотя и не был ее членом. Чрезвычайно мужественное поведение Кольцова на заседаниях комиссии, его полная моральная победа (и беспомощность обвинителей), а также смелое письмо Сталину, отправленное 12 января 1939 г., без просьб, жалоб, раскаяний, сыграли свою роль. Сталин оценил стойкость Кольцова. Кольцов остался на свободе и мог пользоваться личной лабораторией. Ему была назначена более изощренная казнь: смотреть, как распадается его институт, не будучи в состоянии что-либо сделать (см. [5; 6]).

Итоги и перспективы

Благодаря чрезвычайно эффективной организации небольшой Кольцовский институт жил, - т.е. не только производил первоклассные научные исследования, но и сохранял свое лицо - 20 лет во враждебном окружении, под постоянным давлением. Однако потенциал института за эти 20 лет стал так велик, что, несмотря на новый разгром в 1948 г., он в значительной мере сохранялся до середины 1960-х, когда Б.Л. Астауров частично воссоздал его в виде Института биологии развития АН СССР, который через 10 лет получил имя Н.К. Кольцова.

"Анализ проектов показывает, что наиболее высокий уровень исследований - у тех коллективов, которые продолжают традиции отечественных ведущих научных школ, таких, как школы отечественной генетики С.С. Четверикова, А.С. Серебровского, Н.В. Тимофеева-Ресовского, эволюционной морфологии А.Н. Северцова, отечественного направления биологии развития Н.К. Кольцова, Б.Л. Астаурова, паразитологические школы Е.Н. Павловского и К.Н. Скрябина, ботаническая школа А. Тахтаджяна, отечественные школы почвоведения, лесоведения, геоботаники и др.", - говорится в недавнем отчете РФФИ по проектам в области общей биологии [9, с.5], где Кольцов и еще четверо кольцовцев упомянуты среди девяти названных по именам основателей научных школ. - *"Именно такие коллективы, сохраняющие преемственность идей, принципов, подходов и стиля работы, как правило, имеют преимущество при конкурсном отборе проектов, оценке отчетов и определении уровня финансирования".*

* * *

Предложенный подход предполагает ряд новых вопросов, и главный среди них: можно ли создать жизнеспособную науку по приказу верховного начальства [10]?

Наука, будучи живым организмом, непрерывна во времени. Перерыв традиции дает тот же результат, что и временная остановка мозга: возобновят работу лишь отдельные группы нейронов и случайно сохранившиеся нервные связи. Запрет науки резко сокращает количество исследований и обедняет их разнообразие, - иными словами, разрушает естественно сложившуюся работоспособную открытую полииерархическую систему. Но и разрешение возобновления науки после перерыва традиции (что часто можно трактовать как создание искусственной замкнутой моноиерархической системы, точнее, квазиерархии) может иметь далеко идущие последствия, нежелательные с точки зрения успехов развития этой науки (особенно когда разрешение касается только старого предмета, но не старых верных нравственных ориентиров). Искусственное насаждение любой области деятельности доставляет возможности скорой карьеры. Молодые начальники удерживают культуру исследований, инициативу, талант на том уровне, который дает им возможность выглядеть просвещенными и передовыми людьми эпохи. Актуальным становится требование "быть как все". Этому отвечает лозунг "догнать и перегнать" - признак умственной провинции, неспособной к оригинальному творчеству и прорывам.

Не менее интересен вопрос: чего не хватает в рыночной и демократической Российской Федерации, чтобы принципы, положенные Кольцовым в основу организации его института, успешно применялись для исправления сегодняшнего положения науки?

Ожидаемый ответ заключается в том, что все хорошо, недостает только денег. Но пример Кольцовского института говорит, что это ложный ответ.

Недостает, возможно, чего-то другого. В начале научной карьеры Кольцов пользовался различными возможностями защиты собственных интересов от бюрократического аппарата государства; обустроивая свой институт, он, быть может, инстинктивно, но строго последовательно создавал серию механизмов защиты мыслящей индивидуальности от власти государства, толпы, денег.

В общественно-политических преобразованиях, происходивших в нашей стране в последнее десятилетие, был, между прочим, выдвинут лозунг построения открытого общества, с явным ударением на открытость. На деле были разрушены остатки (или зачатки) общества, зато была построена открытая экономика, содержание и последствия которой обсуждать здесь неуместно. Урок Кольцова заключается в том, что от атомизированного состояния следует стремиться к обществу, основанному на системе защитных механизмов для отдельных индивидов и различных общественных групп, ибо современная наука возможна только при наличии и на основе здорового общества.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 97-03-04373)

Литература

1. Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф. Николай Константинович Кольцов, 1872-1940. М.: Наука, 1975. 168 с.
2. Бабков В.В. Московская школа эволюционной генетики. М.: Наука, 1985. 216 с.
3. Детлаф Т.А. Институт экспериментальной биологии // Онтогенез. 1988. Т. 19. № 1. С. 94-112.
4. Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 76-94.
5. Бабков В.В. Н.К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 3-20.
6. Бабков В.В. Н.К. Кольцов и его Институт в 1938-39 гг. // Онтогенез. 1992. Т. 23. № 4. С. 443-459.
7. Бабков В.В. Теоретико-биологическая концепция Н.К. Кольцова (в печати).
8. Кольцов Ник. Проект нового биологического института в Москве // Русские ведомости. 1916. 5 и 8 ноября. С. 5.
9. Чернов Ю.И. Исследования по проблемам общей биологии // Вестник РФФИ. 1998. №1. С. 4-7.
10. Бабков В.В. Медицинская генетика в России (в печати).